

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 316.33

**СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ
ДИАСПОРЫ В КОНТЕКСТЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ¹**

**SOCIAL INSTITUTE
OF COMMUNITY
IN THE CONTEXT
OF NATIONAL SECURITY
OF RUSSIA**

Лубский Анатолий Владимирович

Доктор философских наук, профессор
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: n_lav@mail.ru

Lubskiy Anatoly V.

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: n_lav@mail.ru

Бедрик Андрей Владимирович

Кандидат социологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: abedrik@bk.ru

Bedrik Andrey V.

Candidate of Sociological Sciences, Associate
Professor, leading research worker, Institute
of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: abedrik@bk.ru

Сериков Антон Владимирович

Кандидат социологических наук, доцент
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: aserikov@inbox.ru

Serikov Anton V.

Candidate of Sociological Sciences, Associate
Professor, Institute of Sociology and Regional
Studies, Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: aserikov@inbox.ru

---

¹ Статья выполнена в рамках проекта РГНФ № 16-33-00030 «Антропотки и этнические диаспоры: социальные практики взаимодействия, особенности коллективных идентичностей и национальная безопасность в странах со сложной этнокультурной структурой (Россия и Германия)».

В статье проводится анализ воздействия института диаспоры на характер межнациональных отношений. Авторы отмечают, что в современных условиях диаспора выполняет функцию медиатора в межэтнических столкновениях и тем самым содействует укреплению национальной безопасности государства, независимо от формы институционализации этногруппы. Одновременно эффективность использования медиаторского потенциала диаспоры обусловлена статусом самой этнической диаспоры, историей ее взаимодействия с численно доминирующим этническим сообществом. В этом контексте диаспоры в российском обществе по регионам происхождения делятся на три группы: внутренние диаспоры, постсоветские диаспоры, диаспоры дальнего зарубежья (классические, новые и новейшие). Для каждой группы характерны свои особенности воспроизводства диаспорной идентичности, характер взаимодействия с исторической родиной и государством гражданской принадлежности и, как следствия, различия в медиаторском потенциале национально-культурных объединений.

Ключевые слова: диаспора, национальная безопасность, межэтнические конфликты, медиация, историческая родина, государство материнского этноса.

The article analyzes the impact of the Institute of community on the nature of international relations. The authors note that today the communities perform the function of a mediator in ethnic conflicts, and help to strengthen the national security of the state, regardless of the form of institutionalization of the ethnic group. At the same time the efficiency of mediation potential of the community depends on its status, the history of interaction with the numerically dominant ethnic community. In this context, the communities in Russian society are divided into three groups according to the regions of origin: internal communities, post-Soviet community, communities of non-CIS states (classical, new and emerging). Each group has its own features of community identity reproduction, the nature of interaction with the historical homeland and the state of nationality, and as a consequence, different potential in mediation of this national-cultural associations.

Keywords: community, national security, ethnic conflicts, mediation, historical homeland, state of maternal ethnicity.

На современном этапе влияние фактора миграции испытывают на себе многие регионы, принимающее население испытывает социальное или экономическое воздействие со стороны мигрантов, многие ученые современный период истории называют «эрой миграции». Неконтролируемый поток мигрантов вносит изменения в этнодемографическую ситуацию в мире, что ведет к возрастанию межэтнической и межконфессиональной напряженности во всех сферах. Этноменьшинства и этнические диаспоры играют важную роль в современную эпоху глобализации и электронных коммуникаций. Как указывал американский политолог С. Хантингтон: «В настоящее время диаспоры становятся особенно активными в политической сфере. Они способствуют созданию и развитию транснациональных сетей социальной поддержки, которые не только помогают бедным соотечественникам или

переводят финансовые средства на гуманитарные цели, но и иногда вербуют экстремистов и пропагандируют террористические методы политической борьбы» [1, с. 156]. Таким образом, диаспора превращается в инструмент, использование которого может как дестабилизировать ситуацию в сфере межкультурной коммуникации и подорвать стабильность поликультурной системы, так и способствовать гармонизации межнациональных отношений и успешной социокультурной интеграции мигрантов в принимающие сообщества. Это делает функционирование диаспор фактором обеспечения национальной безопасности государства. Особенно это проявляется в российских условиях, где само использование термина «диаспора» в отношении того или иного этнического сообщества уже обладает конфликтогенным потенциалом.

Цель статьи состоит в выявлении влияния типа диаспоры на характер межкультурной коммуникации и сохранение стабильных межэтнических отношений. Фактически институт диаспоры в сложном поликультурном сообществе выступает инструментом нейтрализации рисков распространения межнациональных конфликтов, что обеспечивает поддержание национальной безопасности. Эмпирической базой исследования являются результаты глубинных интервью с лидерами национально-культурных объединений и представителями профильных органов государственной власти Ростовской области, собранные в ходе реализации исследовательского проекта «Антропоток и этнические диаспоры: социальные практики взаимодействия, особенности коллективных идентичностей и национальная безопасность в странах со сложной этнокультурной структурой (Россия и Германия)» в июне-июле 2016 г.

Как уже отмечалось нами в предыдущей публикации по данной проблематике, диаспорой является этнически однородное меньшинство, проживающее за пределами своей исторической родины или этнического ядра и характеризующееся высокой внутригрупповой интегрированностью [2, с. 61–62]. Следовательно, далеко не каждое статистически учитываемое этническое меньшинство является диаспорой. Однако в контексте исследуемого аспекта функционирования диаспоры как инструмента обеспечения национальной безопасности в сфере межкультурной коммуникации под данным понятием можно рассматривать любое национально-культурное объединение людей. Отождествление диаспоры и национально-культурных объединений (общественных организаций и национально-культурных автономий) оправдано исключительно в контексте исследования вопросов безопасности, так как независимо от природы формирования этнического меньшин-

ства факт институционализации существенно расширяет и инструментализирует его функциональный потенциал.

Потенциал диаспоры в обеспечении национальной безопасности определяется прежде всего типом диаспорного объединения. Именно он обуславливает систему внешних и внутренних связей общины [3, с. 8–9]. В этом случае все многообразие диаспор в российском обществе можно разделить по регионам происхождения на три группы: внутренние диаспоры, постсоветские диаспоры, диаспоры дальнего зарубежья. Внутренние диаспоры включают народы Российской Федерации, которые проживают за пределами своего исторического региона внутри России и образуют на данной территории национально-культурные объединения или землячества. Например, к такого рода общинам в донском регионе относятся татары, чеченцы и ингуши, народы Дагестана, осетины, карачаевцы и балкарцы. Этническая родина как базовый диаспорообразующий фактор для данных народов локализована в границах регионов Российской Федерации, а отношения с ней выстраиваются на внутригосударственном уровне и практически не обладают потенциалом, который угрожал бы национальной безопасности страны. Однако и в этом случае возможны определенные риски. Первый из этих рисков проявился в период развития острого этнополитического конфликта на Северном Кавказе в 1990-х – начале 2000-х гг. в Чеченской Республике. В это время на уровне массового общественного мнения любые национально-культурные объединения чеченцев представлялись «агентами влияния сепаратистов» [4, с. 112]. Это не только минимизировало их возможности по сохранению и развитию национальной идентичности и культуры, но и сводило к нулю их потенциал как института общественной дипломатии. Второй риск объясняется тем, что в случае возникновения межнациональных конфликтов между представителями диаспоры и другой частью населения того или иного региона медиаторский потенциал диаспорных лидеров находится в прямой зависимости от позиции руководства титульного для данной общины субъекта Российской Федерации. Известно, что во время межнациональных столкновений в г. Кондопога, получивших общероссийскую огласку, откровенно этномобилизационная позиция руководства титульной республики одной из сторон противостояния лишь обостряла противоречия и блокировала усилия местного землячества по мирному урегулированию сложившейся конфликтной ситуации [5, с. 180]. Аналогичные процессы характеризуют и другие северокавказские диаспоры, так как связаны с наложением разных культурных плоскостей внутри одного российского общества: старожилы

и мигрантов, города и села, модерна и традиций, секуляризации и религиозности, феминности и маскулинности [6, с. 282].

В ситуации с постсоветскими диаспорами и диаспорами дальнего зарубежья потенциал их участия в обеспечении национальной безопасности детерминирован их регионом проживания, а также характером международных отношений России и государств материнского этноса. Так, ситуация взаимодействия русского (или шире – славянского) населения с армянской диаспорой в Ростовской области, где данная община является традиционным элементом этнокультурной мозаики, выглядит более спокойной, чем в соседних Краснодарском и Ставропольском краях, в которых прирост диаспоры армян пришелся на конец XX в. и не сложилось устойчивых культурных и социальных связей [7, с. 48]. Международный же фактор только усиливает риски функционирования диаспоры.

Особенно наглядно данная ситуация иллюстрируется примером украинской диаспоры. До событий Евромайдана 2013–2014 гг. и последовавшего за ними изменения в государственной принадлежности Крыма и развития военного противостояния на территории Донбасса украинская диаспора в подавляющем большинстве регионов России (в том числе Ростовской области) имела фактический статус формального национально-культурного объединения, функционал которого сводился исключительно к развитию народного творчества и ремесел. Во многих регионах украинская идентичность части населения являлась преимущественно «переписной», то есть статистически учитываемой во время проведения переписи населения, но не проявляющейся на уровне реальных повседневных социокультурных практик. Она приобрела амбивалентный характер и в подавляющем большинстве случаев отождествлялась с русской идентичностью, а русско-украинские браки не рассматривались как межнациональные союзы. Этим объяснялся и тот факт, что каждая постсоветская перепись населения фиксировала сокращение численности украинцев в регионах Российской Федерации. Природа такой депопуляции была преимущественно ассимиляционной. Несмотря на это, в краях и областях Юга России украинцы традиционно относились к числу крупнейших этнических сообществ, занимая в этнодемографической структуре населения вторую или третью позиции. Статус столь крупного этнического сообщества требовал институционализации в форме национально-культурной автономии или общественной организации, что поддерживалось региональной и местной властью, поощрялось консульскими структурами Украины, но

практически не воспринималось как актуальная потребность представителями самой этногруппы.

Ситуация резко изменилась после обострения внутривосточной остановки в Украине и поляризации российско-украинских отношений на международном уровне. Украинское сообщество внутри России испытало кризис идентичности, который имел две формы. Первая форма проявилась в отрицании своей украинской национальной принадлежности той частью населения, для которой она и прежде носила амбивалентный характер. Вторая форма характеризует ту часть украинской диаспоры, этническая идентичность которой находилась на актуальном уровне и проявилась в противопоставлении себя политической элите государства своего материнского этноса. Сам функционал национально-культурных объединений украинцев начал резко меняться в сторону расширения своего медиаторского наполнения, а диаспора все больше приобретает черты института общественной дипломатии. Одновременно украинская диаспора столкнулась с абсолютно новым для себя феноменом украинофобии, который приобрел даже этнически негативные маркеры идентификации («укропы») и активно эксплуатируется на уровне отдельных средств массовой информации и маргинальных общественных объединений. Воспроизводство же социокультурной идентичности внутри диаспоры осложняется разрывом связей с государством материнского этноса, что проявляется в том числе и в отказе дипломатических служб самой Украины идти на контакты с диаспорой.

Однако если на уровне международных связей украинская диаспора испытывает дефицит практик взаимодействия, то на уровне вертикальных и горизонтальных связей внутри страны и ее регионов такого рода контакты только нарастают. Вертикальная проекция связей выражается во взаимодействии общины и власти. В этом случае власть видит в диаспоре не агента влияния, а инструмент изменения общественного восприятия конфликтного характера отношений между двумя государствами. Для власти важно, чтобы внутри страны и на международной арене российско-украинские противоречия не выглядели как межэтнический конфликт. Поэтому регулярность контактов и взаимная поддержка российской власти и украинской диаспоры, институционализированной в национально-культурные объединения, нейтрализуют претензии современной политической элиты Украины и ряда общественных кругов на то, что в конфликте с Россией немаловажную роль играет фактор русского национализма. Плоскость горизонтальных связей выражается в расширении контактов украинской

диаспоры не только с национально-культурными других народов России, но и с русскими общественными организациями, казачеством, Русской православной церковью, учреждениями образования и культуры и т.д. Расширение общественного присутствия украинских национально-культурных объединений становится неотъемлемым атрибутом современной публичной сферы, в том числе и в регионах Юга России, и нацелено на изменение искаженного восприятия противоречий между Россией и Украиной как противоречий между русскими и украинцами.

Аналогичные процессы характеризуют институт диаспоры и в случае с государствами дальнего зарубежья. Однако в этом случае ситуация усугубляется отсутствием длительного опыта пребывания в составе одного государства, который сопровождался установлением общих форм идентификации, развитием формальных и неформальных практик взаимодействия, отсутствием исторической памяти об общем героическом прошлом (как в случае с Великой Отечественной войной) и т.п. Следует учесть, что к классическим диаспорам дальнего зарубежья в России относятся прежде всего немцы, евреи, поляки, греки, ассирийцы, корейцы и некоторые другие, то есть группы, завершившие процесс аккультурации, не имеющие языковых или иных социокультурных барьеров коммуникации с основной этнической массой населения России. Соответственно, любой негативный характер международного взаимодействия России со страной материнского этноса нейтрализуется отсутствием какой-либо существенной социальной или культурной дистанции между диаспорами и коренным населением внутри страны. Такая ситуация, например, отличает поляков, которые за годы сталинских репрессий в подавляющем большинстве утратили религиозную, культурную и языковую самобытность, но сохранили этническую идентичность, хотя и довольно немногочисленны [8, с. 6]. Данные сообщества характеризуются сокращением своей демографической совокупности, испытывая на себе последствия ассимиляционного процесса и старения населения, а межэтнических столкновений с участием данных этногрупп в постсоветский период практически не фиксировалось.

Несколько иной выглядит ситуация с новыми и новейшими диаспорами дальнего зарубежья, к которым в России относятся турки, курды, арабы, китайцы, афганцы и др. Эти группы относятся к первому поколению присутствия в регионах России, их социально-экономический и социокультурный статус в регионах расселения маргинален, велик уровень социальной и культурной дистанции со старо-

жильческим населением, которое зачастую демонстрирует психологическую неготовность к новому этническому соседству. Кроме того, данная категория диаспор функционирует в условиях миграционного прироста на фоне положительного естественного воспроизводства общины. Тем самым группа выглядит в глазах принимающего сообщества как культурно незнакомая и в силу этого непонятная, но и как экономически конкурентная на фоне рисков демографического вытеснения. Одновременно большинство новых и новейших диаспор демонстрируют этническую ограниченность рамками собственной этнической культуры, образуя своеобразный этнический анклав, который практически изолирован от внешних этнических связей [9, с. 49]. Такие сообщества ориентированы на поддержание этнокультурной однородности, в их среде практически отсутствуют практики межнациональных браков или внутрисемейного общения на русском языке. Связи с регионами и государствами материнского этноса воспроизводятся на уровне неформальных контактов, а не через официальные дипломатические или международные институты. Следует также отметить различие между новыми и новейшими диаспорами. И в одном, и в другом случае речь идет об однопоколенном присутствии членов общины в регионе современного проживания. Однако новые диаспоры (например, турки или курды) демонстрируют семейное присутствие, ориентированное на многопоколенную перспективу проживания. В связи с этим ими решаются вопросы правовой натурализации, получения детьми документов об образовании, приобретении жилья и т.д. Эти общины переживают этап первичной институционализации в форме национальных культурных центров, что в последующем может привести к их оформлению в статусе национально-культурной автономии или общественной организации [10, с. 306].

Таким является современный статус турецкой общины, которая сформирована преимущественно за счет турок-месхетинцев – репатриантов из республик Средней Азии, которые не получили возможности территориальной реабилитации после сталинских депортаций в 1940-х гг. и были эвакуированы в конце 1980-х гг. из зон этнической резни в Узбекистане (Фергана) в регионы Юга России. Турецкая диаспора лишена какой-либо поддержки со стороны государства материнского этноса, так как, по мнению самих турок-османов (т.е. турок, проживающих в Турции), месхетинцы являются этноконфессиональной группой мусульман-грузин, перенявших диалект турецкого языка [11, с. 341]. Несмотря на публичную дистанцированность Турции, сама община ассоциирует себя с турками как единым этносом, хотя и считает своей ис-

торической родиной не Турцию, а Грузию. Ассоциация себя с Турцией демонстрируется через широкое употребление в среде российской турецкой молодежи государственной атрибутики Турецкой Республики (прежде всего государственного флага), популярность в турецких семьях каналов турецкого телевидения, создание культурно-исторических центров, в которых проводятся занятия по изучению истории Турции, культуры и традиций ее народа. Соответственно, в условиях обострения в 2015–2016 гг. российско-турецких международных отношений возник риск экстраполяции негативизма российского общественного мнения в отношении Турции и на турецкую диаспору в России. Это потребовало от лидеров национально-культурных объединений российских турок публично отмежеваться от позиции официального турецкого правительства в отношении России и рекомендовать своей молодежи избегать публичной демонстрации турецкой символики.

Новейшие же диаспоры (например, китайцы или вьетнамцы) имеют несемейную структуру, образуются за счет временных трудовых мигрантов, зачастую пребывающих на территории России нелегально. Они не ориентированы на языковую адаптацию или стационарное решение жилищной проблемы, а их сообщества носят преимущественно неформально-клановый характер [12, с. 167]. Кроме того, их присутствие в общественном мнении ассоциируется как с риском демографической экспансии, так и с массовым оттоком капитала [13, с. 104]. Одновременно, несмотря на значительный характер нелегального воспроизводства данных диаспор, государства материнского этноса не исключают для себя возможности извлечения максимальной выгоды от связи с ними. Так, в Китае на государственном уровне созданы и активно функционируют структуры по поддержанию и развитию связей с китайской диаспорой, от которой правительство Поднебесной ожидает значительные финансовые инвестиции [14, с. 204–205].

Таким образом, историко-культурный, политико-правовой и демографический статус диаспоры является базовым фактором, воздействующим на систему межэтнических отношений в поликультурном сообществе. Внутренние и внешние диаспоры являются вовлеченными участниками межэтнических противостояний, в которых берут на себя функцию либо артикуляции этнических претензий, либо нейтрализации потенциального или актуального конфликта. Медиаторский потенциал диаспоры хотя и находится в прямой зависимости от характера межрегиональных и международных отношений, но может и должен быть использован органами государственной власти и обществен-

ными институтами как инструмент обеспечения национальной безопасности. Практика привлечения диаспор к разрешению конфликтных ситуаций на ранних стадиях их вызревания или эскалации гарантирует быструю локализацию противоречий, нейтрализует их общественный резонанс, служит примером публичной дипломатии. В то же время очевидно противоречие в ситуациях, когда негативные тенденции развития межнациональных отношений обусловлены внешнеполитическими конфликтами государств. Это противоречие связано с тем, что диаспорная идентичность не может воспроизводиться вне исторической памяти, ядром которой выступает представление об исторической родине или национальном государстве [15, с. 114]. В этом случае политика диаспоры должна быть ориентирована на цель гармонизации межэтнических отношений в регионе своего нынешнего проживания, что требует от нее избегать публичной политической риторики, сосредоточиться на культурном аспекте своей жизнедеятельности, а также на деконструкции негативных этнических стереотипов и этнофобий.

Литература

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
2. Бедрик А.В., Стукалова Д.Н., Терещенко А.А. Социально-правовой статус диаспоры в современном российском обществе: региональный аспект // Гуманитарий Юга России. 2016. № 4.
3. Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения: сб. ст. / колл. авт.; под ред. А.В. Дмитриева. М., 2016.
4. Хоперская Л.Л., Харченко В.А. Локальные межэтнические конфликты на Юге России: 2000–2005 гг. Ростов н/Д., 2005.
5. Григорьев М.С. Кондопога. Что это было? М., 2007.
6. Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб., 2011.
7. Армяне Юга России: опыт социологического исследования / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.; М., 2011.
8. Селицкий А.И. Поляки на Кубани: исторические очерки. Краснодар, 2008.
9. Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и

References

1. Khantington S. Stolknovenie civilizaciy. M., 2003.
2. Bedrik A.V., Stukalova D.N., Tereshchenko A.A. Social'no-pravovoy status diaspory v sovremennom rossiyskom obshchestve: regional'nyy aspekt // Gumanitariy Yuga Rossii. 2016. № 4.
3. Diaspory i zemlyachestva: opyt regional'nogo izmereniya: sb. st. / koll. avt.; pod red. A.V. Dmitrieva. M., 2016.
4. Khoperskaya L.L., Kharchenko V.A. Lokal'nye mezhyetnicheskie konflikty na Yuge Rossii: 2000–2005 gg. Rostov n/D., 2005.
5. Grigor'ev M.S. Kondopoga. Chto eto bylo? M., 2007.
6. Karpov Yu.Yu., Kapustina E.L. Gorcy posle gor. Migracionnye processy v Dagestane v XX – nachale XXI veka: ikh social'nye i etnokul'turnye posledstviya i perspektivy. SPb., 2011.
7. Armyane Yuga Rossii: opyt sociologicheskogo issledovaniya / otv. red. Yu.G. Volkov. Rostov n/D.; M., 2011.
8. Selickiy A.I. Polyaki na Kubani: istoricheskie ocherki. Krasnodar, 2008.
9. Astvacaturova M.A. Diaspory v Rossiyskoy Federacii: formirovanie i upravlenie

управление (Северо-Кавказский регион). Ростов н/Д.; Пятигорск, 2002.

10. *Бугай Н.Ф.* Курдский мир России: политико-правовая практика, интеграция, этнокультурное возрождение (1917–2010-е годы). СПб., 2012.

11. Турки-месхетинцы: Интеграция. Репатриация. Эмиграция / под ред. Т. Триера, А. Ханжина. СПб., 2007.

12. *Попков В.Д.* Феномен этнических диаспор. М., 2003.

13. *Здоровец Я.И., Мухин А.А.* Диаспоры и землячества: вопросы влияния. М., 2005.

14. *Полоскова Т.В.* Современные диаспоры. Внутриполитические и международные аспекты. М., 2002.

15. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследование по социально-культурной антропологии. М., 2003.

(Severo-Kavkazskiy region). Rostov n/D., Pyatigorsk, 2002.

10. *Bugay N.F.* Kurdskiy mir Rossii: politiko-pravovaya praktika, integraciya, etnokul'turnoe vozrozhdenie (1917–2010-e gody). SPb., 2012.

11. Turki-meskhetyncy: Integraciya. Repatriaciya. Emigraciya / pod red. T. Triera, A. Khanzhina. SPb., 2007.

12. *Popkov V.D.* Fenomen etnicheskkih diaspor. M., 2003.

13. *Zdorovec Ya.I., Mukhin A.A.* Diaspory i zemlyachestva: voprosy vliyaniya. M., 2005.

14. *Poloskova T.V.* Sovremennye diaspory. Vnutripoliticheskie i mezhdunarodnye aspekty. M., 2002.

15. *Tishkov V.A.* Rekvie'm po etnosu: Issledovanie po social'no-kul'turnoy antropologii. M., 2003.